

- С чего все началось?
- С Клуба советских граждан.
- ???

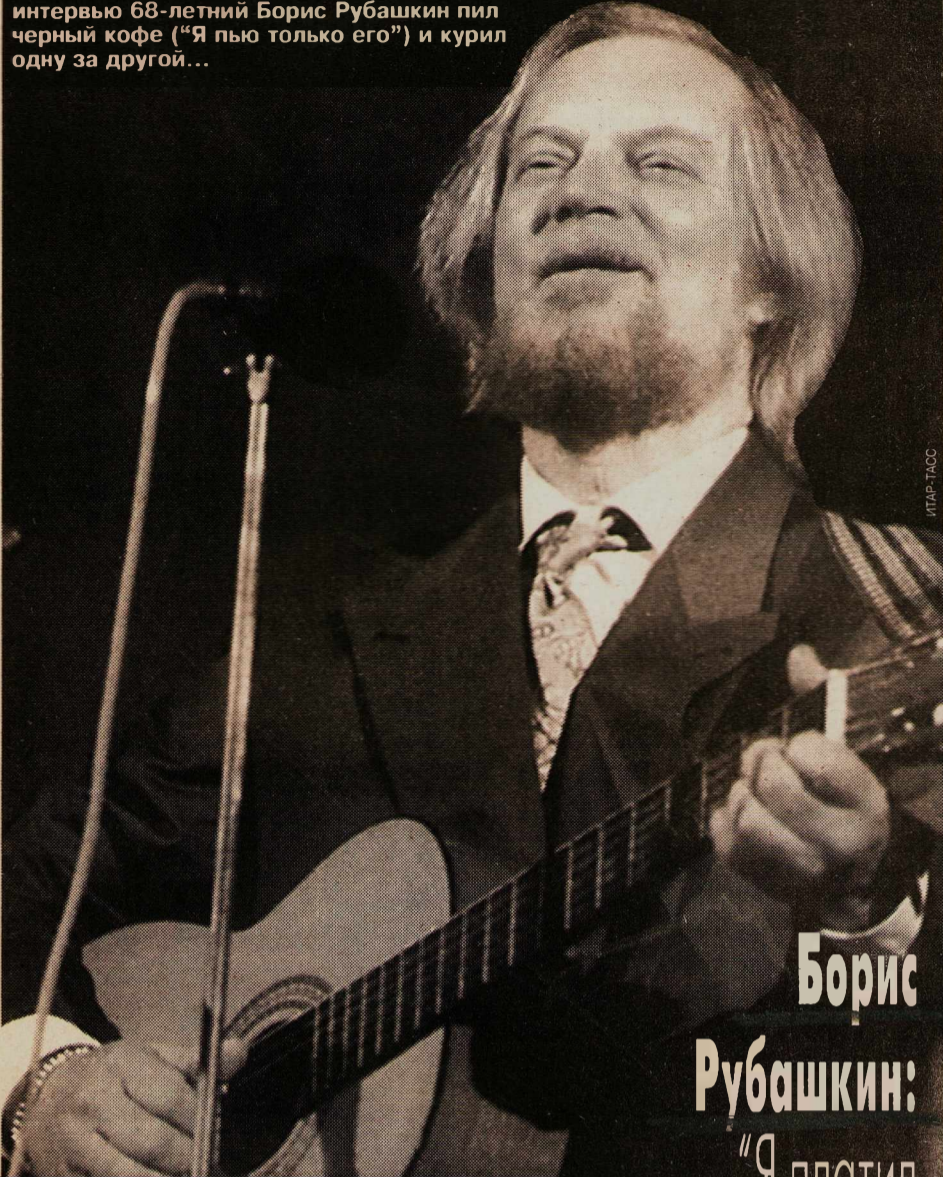
— У меня был советский паспорт — точнее, что-то вроде вида на жительство в Советском Союзе. Сталин после очередной пьянки таким образом решил уничтожить русскую белогвардейскую эмиграцию: тем, кто оказался в так называемых демократических странах, вручить советский паспорт. Это было издевательство над детьми белогвардейцев, которые не хотели иметь советских паспортов. С одной стороны, это было унижением, а с другой — у советских коммунистов всегда было очень много денег. И все они шли на то, чтобы завербовать среди нас сторонников советского образа жизни. На эти деньги и был создан Клуб советских граждан. Нас всех туда звали и каждую субботу читали доклады об империализме, загнывающем Западе и прочем. Конечно, белогвардейцы во все это не верили, но они были рады возможности встретиться друг с другом. В клубе был шикарный ресторан, кино. Белогвардейцы ходили туда, чтобы встретиться, выпить по рюмочке, посидеть спокойно... Кроме того, там был хореографический кружок и хор. У нас была очень хорошая хореограф — Наталья Пчелинцева. Поэтому я умел танцевать и русские танцы, и всякие другие.

— В ансамбль МВД Болгарии вы попали случайно или таким образом делали танцевальную карьеру?

— Тогда я работал инкассатором — ходил со специальной сумкой, собирал деньги и относил их в банк (это была моя первая работа). Я по 10 километров в день проходил. Однажды, возвращаясь с работы, шел мимо ансамбля Министерства внутренних дел и встретил друга, тоже русского, который уже работал там в танцевальном составе. Он мне говорит: "Сегодня конкурс; конкурентов мало, одни толстые пробуются". Я станцевал — польку, мазурку, краковяк, чечетку. Меня приняли. А уже через два года я стал солистом ансамбля. Потом я как-то упал на репетиции, получил повреждение спины и целый год проходил с палочкой. Тогда-то и начал учиться в экономическом институте в Софии. Тут же начались сложности: партийцы в ансамбле обвинили меня в том, что я учусь, думаю о своем будущем. В институте же говорили: "Ты зарабатываешь такие деньги, а мы тут с крошечными стипендиями мучаемся". И я бросил все и уехал в Прагу, к другу. И уже в Праге закончил институт, танца в театрах, — так зарабатывал на жизнь. Чехословакия тогда была более свободной страной, чем Болгария: там коммунисты боялись народа, а в Болгарии все было наоборот.

Но в 62-м году, когда я закончил институт, понял, что положение ужасное: в Чехословакии мне больше оставаться нельзя — истек срок учебной визы, — в Болгарию я возвращаться не хотел. И тогда я бежал вместе со своей первой женой в Австрию. Мы взяли транзитную визу...

Когда в Советском Союзе слушали его песни и подпольно переписывали "на ребра" (пластинки из рентгеновских пленок), Борис Рубашкин об этом и не подозревал. Во время он пытался выжить: разгружал картошку на рынке и танцевал в оперетте, пел "Мурку" в ресторанах и ведущие партии — в знаменитых оперных театрах Европы. На встречу со мной он приехал на темно-синем "Мерседесе", чтобы отвезти в застроенный виллами район Зальцбурга, где он живет в собственном доме с женой, дочкой и русской тещей. Во время интервью 68-летний Борис Рубашкин пил черный кофе ("Я пью только его") и курил одну за другой...

Борис Рубашкин

Рубашкин: "Я платил в ресторане за советских кагебешников..."

АМЕРИКАНСКИЙ ШПИОН С РУССКОЙ ДУШОЙ

— Как вам удалось? Ведь в то время получить визу в капстрану, живя в стране соцлагеря, было делом не из легких...

— Я подрабатывал тем, что мыл машины болгарского посольства в Праге. И один из сотрудников посольства предложил: "Давай поедим в Вену! У меня там есть машина, но водить я ее не могу — будешь вместо меня водить..." Он, как и все наши дипломаты, зарабатывал тем, что ездил на Запад, покупал там вещи и по возвращении в Болгарию их продавал. Он мне выправил бумагу о том, что я являюсь водителем посольства, сделал визу. Но я сказал, что хочу ехать вместе с моей женой. "Здесь делать ей визу опасно, — сказал он, — ей придется ехать через Болгарию, и болгары по визе в паспорте все поймут. Вы ежайте в Белград и обратитесь к господину Шварцу. Скажите, что пришли от меня..." В Белграде моя супруга получила австрийскую визу. Мы поехали в Австрию через Югославию, потому что Югославия была тогда коммунистической, но фактически антисоветской страной. И там никто не смотрел в документы: есть виза — ежай. В Австрии мы сразу явились в полицию и сказали, что сбежали из советской Болгарии. Так началась наша история здесь. Около шести недель пришлось провести в специальном лагере, где нас проверяли австрийцы совместно с американскими спецслужбами.

— Когда танцор Борис Рубашкин превратился в певца?

— В Вене началось все. Напротив оперы было шикарное кафе, туда все ходили играть в шахматы. Как-то я играл и сделал неправильный ход. И в сердцах сказанул что-то на болгарском. И оказалось, что сосед мой по столу, Здравко его звали, тоже болгарин. Он тоже бежал из Болгарии, только у него были деньги — жена богатая. Он-то меня и привел в "Жар-птицу" — единственный в Вене русский ресторан. Пригласил выпить водки и показать заодно, как он поет (он учился петь). Вот Здравко начал петь, а я ему — вторым голосом подстраивать. Он удивился: "Ты можешь петь?" — "Конечно, могу — я ведь уже три рюмки водки выпил, хотя вообще не пью..." — "Давай, — говорит, — пой, тут и оркестр стоит". Я стал петь — и вдруг публика зааплодировала. Стали присылать на наш стол водку. Вторая, третья песня — и появляется хозяйин: "Хочешь петь у меня?"

В ресторане я пел только русские песни. Ходили туда только очень богатые люди. Нуриев иногда заходил. Как-то пришла профессорша из консерватории Мария Бранд, подозвала после выступления и сказала: "Дитя мое, ваш голос — не для ресторана, а для театра. Уходите отсюда". И я стал учиться у нее в консерватории.

Вскоре я уже записал первую свою пластинку — с ней тоже все вышло случайно. Пришел человек в ресторан поужинать. И после ужина протрясает мне свою карточку: "Позвони мне". Но, когда люди пьют, они все время мне карточки суют: позвони, мол, сходи, повеселимся... А какое мне веселье: у меня после выступления голова кругом, да еще и денег нет — мы тогда спали на полу, не на что было купить кровать. Квартира была, а постели не было... Но он настоял: "Обязательно позвони — я хочу сделать с тобой пробную запись". Оказалось, что это представитель швейцарской звукозаписывающей фирмы, специализирующейся на фольклоре. Я нашел человека с балалайкой, записал четыре номера и получил контракт на четыре долгоиграющие пластинки. Для меня это был успех. Я начал очень хорошо зарабатывать — сумел накопить кое-какие деньги, купил себе другую квартиру, "Фольксваген".

ушел из ресторана. За три года я выбился в люди. В Болгарию меня тогда считали американским шпионом — об этом говорили даже по телевизору. Они ненавидели меня, потому что я был очень плохим примером: я приехал на Запад и сумел выжить, сделать свою жизнь. А они ведь тогда писали, что эмигранты на Западе умирают с голода и не могут найти работу...

Потом случился конкурс на замещение должности баритона в Зальцбургской опере. И в 1967 году я сюда приехал.

— Как вам показался Зальцбург после Вены?

— Чудным! Я люблю Зальцбург и с 69-го года являюсь его почетным гражданином. Вена тогда, во времена холодной войны, была центром мирового шпионажа. Все разведки там работали. Ведь все, кто бежал — и агенты, и шпионы, и нормальные люди — сначала подавались в Австрию. В другие страны, в Германию, например, бежать было очень сложно. Вот и шла в Вене тотальная вербовка. И меня завербовала американские спецслужбы...

— И вы завербовались?

— Конечно. Я был готов бороться против коммунизма до конца моей жизни. А потом, вначале у меня было такое отчаяние оттого, что не могу жить нормально! Я приехал человеком совершенно неопытным.

— Значит, я разговариваю с бывшим американским шпионом? И вы так просто об этом говорите?..

— А что такого? Меня и мою жену сначала обследовали на детекторе лжи, чтобы проверить, можно ли нам доверять (мы ведь собирались переехать в Америку: Вена была очень опасным городом). Они меня расспрашивали обо всем, что было связано с Болгарией, какое положение, какие зарплаты, сколько чего стоит, — ЦРУ так ставляло общую картину государства. Потом я рассказывал, где какая техника советская в Чехословакии стоит, где сколько танков и прочего — ведь я возил в Праге военного атташе Болгарии. Многие из этого в ЦРУ, конечно, и без меня знали.

Потом они увидели, видимо, что толку от меня мало, и отстали. Зато, когда приехал в Зальцбург, на меня стали насаждать советские органы. Обо мне в Советском Союзе уже знали, хотя сам я о том, что мои песни в России слушают и переписывают "на ребра", ничего долго не подозревал. И, конечно, удивлялся, что люди из советского консульства так ищут со мной контактов. Они пригласили меня к себе на все советские праздники. Звали: "Пойдем, Борис, выпьем пива". Я сразу — две тысячи шиллингов в карман, потому что знал: они поужинают, выпьют, и — Борис, плати! Они никогда по-настоящему не могли пригласить меня на ужин: зарплаты маленькие были. И я говорил им: "Я так благодарен Советскому Союзу за то, что ради меня, единственного советского гражданина в Зальцбурге открыли советское консульство!". Действительно, зачем существовало здесь советское консульство — было непонятно. Народу здесь работало много: генеральный консул, консул, четыре вице-консула, толстые, которые дежурили по 24 часа, бухгалтер, а еще поса-

риха, уборщица... Кстати, интересно, что когда, уже после перестройки, меня позвали в Россию, я на спектаклях встречал людей, что работали тут в консульстве, и они признавались: "Да какой я дипломат — я кагебешник".

— Сейчас вы гражданин какой страны?

— Я стал австрийцем в 71-м году, а до тех пор жил с советским паспортом. Потом пришлось официально отказываться от советского гражданства: я написал просьбу, заплатил 50 долларов — и через три месяца пришло решение Верховного Совета о том, что мне разрешен выход из советского гражданства...

— А откуда взялся знаменитый "Казачок"?

— Вначале я придумал не весь танец, а только одну часть. Как-то сижу у себя в офисе, вдруг — звонок, и кто-то на ломаном немецком говорит: "Вы — "Казачок"? Вы могли бы приехать в Париж, по делу?" Я решил, что это какая-то болгарка, из знакомых, меня разыгрывает, и сказал, что я уже сажусь в машину и выезжаю. Положил трубку и забыл про звонок. Через несколько минут — опять звонок, и мне сообщают, что директор фирмы "Блу Блан Руж" хочет работать с "Казачком". У меня как раз был свободный день, я взял билет на поезд "Зальцбург — Париж" и утром был уже там. Директор, думая, что я композитор, попросил сочинить еще одну часть "Казачка", мажорную. Я сел за пианино и до обеда писал три стрфы, потому что опыта-то нет. Потом он мне сообщает: "Через три дня огромная шоу-группа едет от Парижа до Марселя в турне. В рамках этого турне мы бы хотели представить "Казачка". Я сразу придумал па на музыку, показал ансамблю из 16 человек. Тогда этот издатель ни копеечки не заплатил, я трагил на все сам: и на еду, и на дорогу. Зато благодаря ему я стал широко известным. Ну и он стал на этом миллионером.

— Сколько песен сейчас у вас в репертуаре? Я знаю, что около пятисот.

— Это пресса преувеличивает. У меня около трехсот песен: одесские, народные, военные песни. Все это я собирал с 16—17 лет. Я любил слушать песни, которые пелись в среде эмиграции, оттуда весь мой классический русский репертуар: романсы, цыганские, так называемые народные песни. Ведь "Стенька Разин", "Однозвучно гремит колокольчик", "Славное море" — это все классика. Многие песни я услышал от отца. Как эмигрантом, с которыми общался, я приставал и выспрашивал: "А откуда вы? А что вы там пели? Спойте что-нибудь!" Они пели, я мелодию запоминал сразу, текст писал. Потом брал гитару и разучивал. Так и собирал.

— А почему кроме русских песен, вы поете песни вроде "Мурки", которые относятся скорее к разряду блатного фольклора?

— Для меня блатные — те песни, которые начали появляться по тюрьмам и лагерям. А такие песни, как "Мурка", "Одесса" и прочие, были созданы народом. И все эти песни я впервые услышал в среде эмиграции и записывал их в таком виде, как их пели белогвардейцы.

Когда я подобрал себе репертуар, поехал с ним в Америку — Южную, Северную, в Австралию. Там были хорошие деньги, чалюги: не надо было пла-

тить. Здесь ведь по закону я должен объявлять то, что зарабатываю за границей. Обездрил весь мир. Может, это и нескромно, но в среде русских эмигрантов я первый, кто после Шаляпина сольные концерты давал. Шаляпин ведь тоже поддерживал русскую песню, которую эти петухи из Большого театра, Атлантов и Нестеренко, считают ниже своего достоинства петь. Атлантов прекрасный певец, мы пели с ним вместе в Венской опере "Бориса Годунова". Но народное почему-то не поет. А ведь все итальянские певцы почитают за честь петь неаполитанские песни. Чем мы хуже? Почему не дать публике то, что русский народ дал миру? Почему нужно все время петь один и тот же репертуар? Однажды мы с Нестеренко даже поспорили на этой почве. Он пел тогда "Ла Скала", где Большой был на гастролях. После спектакля он пригласил меня в гости, они с женой сняли квартиру, потому что это дешевле, чем в гостинице останавливаться. Жена его стол накрыла — колбасы порезала, консервы какие-то открыла, хотя это безумие — находиться в Италии и есть консервы. И вдруг за столом он говорит: "Ты знаешь, мне как советскому человеку было бы стыдно петь такие песни, какие ты поешь". Я ответил: "Женя, я понимаю, почему тебе было бы стыдно. Ты не можешь их спеть так, как я. Кушай свою колбасу..." Встал и ушел. Так мы с ним расстались. Нестеренко вообще всегда любил говорить: "Мы — партия, Верховный Совет и советский народ". Все в таком духе. Потом стал депутатом, все говорил о Родине. А через несколько лет купил себе квартиру в Вене и плонул на свою родину. Почему он живет сейчас в Австрии, а не борется в России за демократию или за коммунизм, в котором он вырос?

— Когда вы бежали в Австрию, был ли жив ваш отец? Как он, бежавший в свое время из России, расценил ваше решение?

— Он мне сказал так: "В жизни есть три важные вещи: во-первых, твоя личная свобода. Во-вторых, в этой свободе выбрать свою профессию, потому что без свободы это невозможно. И третье — это семья". К сожалению, мы потом с ним мало общались. Я был в Милане, когда он умер. А тогда было очень опасно возвращаться в Болгарию, хотя я никогда и не был болгарским гражданином.

Я не приехал, даже чтобы проводить его в последний путь... Я очень страдал от этого, у меня был такой шок, что пришлось обратиться к врачу...

По происхождению он был казаком, родился на хуторе — 140 километров от Царицына. Они жили у реки Медведицы, что вливается в Волгу. На почти последнем, самом северном участке казачьей степи. Я там был и поставил памятник моим предкам.

— Не появилось ощущение, что вот здесь — родина?

— Ощущения были очень сильными, хотя я там никогда до этого не был. Ведь наш дом сожгли почти сразу после революции, потому что это был дом атамана. (Мои предки всегда были атаманами, отсюда и моя настоящая фамилия — Чернорубашкин, атаманы носили ведь особые черные рубахи.) На той поляне, где был наш дом, я встал, и было ужасное состояние: внутри все сжалось, я плакал... Знаете, ведь внутри у меня постоянно такая генетическая тоска по прошлой, дореволюционной жизни. Отец мне много об этом рассказывал, о доме. Он рассказывал замечательные вещи: (тут Борис Рубашкин, небедный даже по западным меркам человек, имеющий дом в Зальцбурге и квартиры в Вене и на Адриатическом побережье Италии, начинает мечтательно перечислять. — Д.П.) какие запасы у него были, какая капуста в подвале хранилась. Какие лошади были и поросята... Отец выходил в мае на работу и в октябре возвращался, даже ночевал в поле, а сестры носили туда еду каждый день.

Когда я приехал туда, то впервые увидел своих двоюродных сестер. Дом тети, который стоит еще... Меня повели в музей деревни и показали на месте на стене, около ударников труда и портрета Ленина: "А вот эту стенку мы оставили для вас. Пришлилите нам свою фотографию". Но я отказался: "Пока вы этого убийцу (Ленина) не уберете, моя фотография здесь не появится". Я не хочу красоваться рядом с человеком, который выгнал моего отца из России.

— Кем по национальности вы себя считаете?

— Я немного космополит. Я вырос в русской среде: учился в русской школе, но посещал и болгарскую. Так что обе культуры всегда ношу с собой. Чеснок люблю, как истинный болгарин. Но в общем, я всегда себя чувствовал русским, потому что папа меня так воспитывал.

— Есть ли у вас тут, в Зальцбурге, ощущение дома? Вы ведь родились в другой стране... Ностальгия не мучает?

— Русский человек в Западе трудно приживается, потому что ему долго вдалбливали: родина, родина. Для меня родина там, где я себя хорошо чувствую. Здесь мне хорошо — у меня все есть, я доволен своей жизнью. У меня много друзей. Когда я хочу отдохнуть, мы с женой едем в нашу "деревню" в Италию, 45 километров от Венеции. У меня там большая квартира: три спальни, огромный двойной балкон, из окна видно море. Я сейчас там часто лето провожу. Там переночуем и потом — во Флоренцию, в Рим.

А ностальгия — это такая болезнь, которую можно вылечить в течение получаса. Стоит только приехать в аэропорт Софии и выехать на улицу... Когда я вижу эту грязь, людей, которые роются в помойках, чтобы найти себе еду, ностальгия исчезает бесследно.

— В чем для вас сейчас смысл жизни?

— В семье. В дочери. С моей женой Мариной мы знакомы семь с лишним лет. Она бывшая актриса Ермоловского театра. В театре платили мало, и она подрабатывала тем, что вела концерты. Получилось так, что она вела и мои концерты в Театре эстрады. Я ее там и увидел. К тому времени я развелся с первой женой и уже восемь лет был один. Конечно, у меня были подружки, я с кем-то жил...

— С австрийцами?

— (Категорично.) Нет. Не хочу я дома по-немецки говорить. Маша, моя младшая дочь, родилась в России, потому что очень долго оформляли документы для Маринки...

— Вы — фаталист или считаете, что человек сам управляет своей судьбой?

— Судьба, конечно, предreshена Богом, он дает нам дорогу, по которой идти. Но, чтобы по ней было удобнее идти, человек должен что-то делать. Вы знаете, как говорят: "Бог дает, а в рот не кладе", — надо все время что-то делать самому, быть все время в движении, что-то пробовать.

Я встал на оперную сцену в 35 лет, когда у других певцов за плечами уже по 20—25 партий. За последние два десятка лет я пел в лучших театрах Европы и Америки, судьба свела меня с такими людьми! Мне никогда и не снилось, что я проживу такую жизнь.

Дарья ПРОНИНА, Зальцбург, Австрия.